

УДК 7.03

Византийские иконы на монетах нормандского правителя сирийской Антиохии. Опыт рецепции византийской иконографии на заре крестовых походов

Брюн Сергей Павлович

Аспирант,

Институт культурологии

Государственного академического университета гуманитарных наук,

Музей русской иконы,

109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, 3/1;

e-mail: sbrun@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена фоллисам, чеканившимся одним из первых франко-нормандских правителей Антиохии – князем Рожером (1112-1119 гг.), как яркому примеру латинской рецепции византийской иконографии, в частности – раннему для латинских христиан прецеденту приятия образа «Чуда Св. Георгия о змие».

Ключевые слова

Византийское искусство, крестовые походы, нумизматика, нормандцы, Антиохия, Сирия, иконография Богоматери, Св. Георгий, Чудо Георгия о змие.

Введение

Как известно, Италия исторически служила центром соприкосновения латинского Запада с Византи-

ей, и, конечно же, центром западной рецепции византийского искусства. В различных регионах этого разнородного и разобщенного полуострова можно встретить многочисленные

памятники византийского искусства, и более или менее близкое византийским образцам подражание. Более того, южные земли Италии – Апулия и Калабрия вплоть до начала 70-х гг. XI в. оставались под властью ромейских василевсов¹. Однако нельзя не отметить, что среди народов Италии XII в. необычайно открытыми к приятию византийского искусства оказались не только ломбардцы, римляне или венецианцы, но и чужеземные северофранцузские завоеватели – нормандцы. Естественно, речь идет не столько о первых нормандских завоевателях, сколько о втором и третьем поколении нормандцев, рожденных на отвоеванных у ромеев и арабов землях Апулии, Калабрии и Сицилии. Ярчайшим свидетельством любви нормандских государей Южной Италии к искусству Византии остаются созданные по их заказу великолепные мозаики Палатинской капеллы, Мартораны, Чефалу и Монреале. Но не менее значимым центром западной (и, в частности, нормандской) рецепции византийской

культуры, иконографии и искусства стала Сирия, в особенности древняя столица эллинистической и византийской Сирии – Антиохия.

В годы Первого крестового похода итало-нормандцы, под командованием Боэмунда Тарентского, смогли продолжить экспансию на Восток и утвердиться на землях византийской Сирии, где ими было основано княжество Антиохийское – одно из двух первых латинских государств в Леванте. Став столицей нового нормандского государства, Антиохия стала и новым центром соприкосновения латинян и Византии. Соприкосновение это принимало различные формы, варьируясь от ожесточенных военных столкновений до весьма интенсивного общения в сфере церковной, городской и торгово-экономической жизни. В том числе, нормандская Антиохия превратилась и в своеобразный форпост латинской рецепции образов византийского искусства. К великому сожалению, мы не можем провести полномасштабного сопоставления византийских памятников нормандской Италии и нормандской Антиохии; как известно, в 1268 г. Антиохия была полностью уничтожена мамлюками. Так, если при рассмотрении византийских памятников, возведенных итало-

1 Контроль над Сицилией был утрачен ромеями после арабского завоевания IX-X вв. Нормандцы постепенно отвоевывали ромейские владения в Апулии и Калабрии в течение XI в. Последний ромейский оплот в Южной Италии – Бари, пал перед нормандской армией Робера Гвискара в апреле 1071 г.

нормандцами, мы можем опираться на сохранившиеся дворцы, соборы и церкви, то в случае с нормандцами Антиохии нам остается ссылаться лишь на отдельные археологические и документальные свидетельства, и, конечно же, на нумизматику. Нумизматика, в особенности фоллисы первых нормандских князей Антиохии, служит удивительным и, по-своему, многогранным свидетельством того, что осевшие в Сирии нормандцы, не меньше своих южно-итальянских собратьев, проявили тяготение к византийскому искусству и иконографии. В данной статье мы предлагаем обратиться к фоллисам, которые чеканились третьим из нормандских князей Антиохии – Рожером.

Рожер – нормандский князь Антиохии

Рожер принадлежал к третьему поколению нормандцев, рожденных в Средиземноморье. Его отец – Ричард дель Принчипато (или Ричард Салернский) был участником Первого крестового похода, а также кузеном и ближайшим соратником первых двух нормандских правителей Антиохии – Боэмунда и Танкреда. Вероятно, что Рожер перебрался из Италии в Левант

вслед за отцом, в первом десятилетии XII в. В декабре 1112 г. он наследовал своему двоюродному дяде – Танкреду и взошел на престол княжества Антиохийского². Семилетнее правление князя Рожера (1112-1119 гг.) было насыщено событиями³. Осенью 1114 г. Сирия была сокрушена мощным землетрясением; последующее восстановление сирийских городов и крепостей (Антиохии, Мараша, Арты) выпало на долю князя Рожера. В следующем, 1115 г. началось вторжение сельджуков, подобного которому не было со времен осады Антиохии 1098

2 При этом, и Танкред и Рожер обязаны были бы отречься от престола в случае прибытия в Сирию сына основателя княжества – Боэмунда II, имевшего кровные права на княжеский престол Антиохии. Однако и о Танкреде, и о Рожере правильнее говорить как о полноправных князьях, т.к. на сохранившихся хартиях и прочих документальных свидетельствах они выступают именно с титулом «князь» (*princeps*), а не «регент» (*bailli*).

3 С правлением Рожера связан единственный из дошедших до нас средневековых текстов, полностью посвященных княжеству Антиохийскому – латинский первоисточник «Антиохийские войны», написанный княжеским канцлером Готье в первой четверти XII в. См. *Galterii Cancellarii. Bella Antiochena // RHC Occ. Vol. 5. – Paris, 1895. – Pp. 1114-1119; Walter the Chancellor. The Antiochene Wars / ed. & trans. T. Asbridge and S. B. Edgington. – Derbyshire, UK: Ashgate, 1999. – 242 p.*

г. Но превосходящие силы тюрок-сельджуков были наголову разбиты армией князя Рожера в битве у источников Тель-Данита (14 сентября 1115 г.). В последующие годы, Рожер продвинул границы княжества Антиохийского на восток, с двух сторон охватив исламскую твердыню северной Сирии – Алеппо. Более того, при Танкреде и Рожере эмиры Алеппо вынуждены были платить дань князьям Антиохии. Также, в годы правления Рожера антиохийские рыцари дважды отправлялись на юг – в Палестину, дабы оказать помощь старшему из государей Заморской земли, королю Иерусалимскому (в 1113 и 1118 гг.). Рожер славился и как покровитель иерусалимского ордена Св. Иоанна (т.е. госпитальеров); в его правление госпитальеры получили новые наделы и доходы на землях княжества. Кроме того, Рожер был известен своей открытостью к народам Востока (как к мусульманам, так и к христианам). Следуя примеру своего предшественника, Танкреда, он не гнушался заключать союзы с мусульманскими эмирами Сирии⁴. Что касается отно-

шений к восточно-христианскому населению – именно Рожер оградил Сирийскую (Сиро-яковитскую) Церковь от вмешательств и посягательств со стороны латинского Патриарха Антиохии, что с благодарностью отмечал в своей хронике Михаил Сириец⁵. К периоду правления Рожера относятся и наиболее интересные и яркие примеры нормандской рецепции византийской иконографии, примеры, которые встречаются на фоллисах этого князя.

Как известно, нормандские князья Антиохии продолжали пользоваться услугами местных греческих мастеров, чеканивших византийские фоллисы. К правлению Боэмунда и Танкреда относятся фоллисы с изображениями Христа Пантократора и Апостола Петра, с греческими легендами, именами князей или легендой «IC XC NIKA» между перекладинами креста на реверсе. Танкред также ввел на антиохийских фоллисах и собственное изображение; на фоллисах этой серии чеканился поясной портрет сжимающего меч князя, облаченного в визан-

франкам Азаза покинуть город и уйти в Алеппо. Mathieu D'Edesse, Grégoire le Prêtre. *Chronique de Mathieu D'Edesse (962-1136) avec la Continuation de Grégoire le Prêtre.* – Paris, 1858. – P. 298.

4 В 1115 г. Рожер заключил союз с эмиром Тугтекином Дамасским, направленный против сельджукской армии эмира Бурсука. В 1118 г. Рожер позволил мусульманскому населению сдавшегося

5 Michel le Syrien. *Chronique de Michel le Syrien. Patriarche Jacobite D'Antioche.* Vol. III. – Paris, 1905. – P. 210.

тийские одежды и арабский тюрбан. Портреты выполнены греческими мастерами и, несмотря на эклектику образу, по стилю и иконографии прямо перекликающийся с аналогичными византийскими поясными изображениями ромейских василевсов. Однако в правление Рожера традиционные изображения Христа, Апостола Петра и Танкреда уступают место двум новым типам фоллисов, на которых предстают новые образы византийской иконографии, ранее не встречавшиеся на монетах Антиохии. Так, при Рожере на антиохийских фоллисах впервые появляется образ Богоматери Оранты. В данном случае – это ростовое изображение Оранты, т.е. образ Оранты «Нерушимой стены». Иконография Богоматери Оранты была хорошо известна и распространена не только в пределах Ромейской державы, но и на других территориях, подверженных культурному влиянию Византии – от Руси до Италии⁶. Однако здесь следует различать использование образа в мозаике, фреске или писанной ико-

не, с использованием его на монетах или печатях, т.е. знаках власти отдельных государей средневекового Запада. Если в первом варианте Оранту можно встретить на многих итальянских памятниках, то на западных монетах она фактически не встречается. В Византии, напротив, образ Оранты или близкий ему тип «Знамение» можно встретить и на монетах, и на многочисленных буллах. От ромеев этот образ перешел и к государям Латинского Востока, хотя здесь он встречается гораздо реже. Известно, что образ Богоматери «Знамение» чеканился на буллах королевы Морфии Иерусалимской, супруги союзника и сородича Рожера – короля Бодуэна II де Бурга. Но это скорее пример как раз *византийского* использования образа, т.к. Морфия была православной армянкой-халкидониткой и дочерью византийского правителя Мелитены. В XIII в. образ Оранты появился на некоторых монетах латинских императоров Константинополя. Так или иначе, нельзя не отметить, что антиохийские фоллисы Рожера – редчайший и ранний пример появления Оранты на монетах латинских государей.

Другим «византийским» образом, появившимся на монетах Рожера, стало «Чудо Св. Георгия о змие».

6 Примечательно, что в год восшествия Рожера на престол Антиохии (1112 г.) в северной Италии, в кафедральном соборе Равенны (Basilica Ursiana) среди новых мозаик был создан и сохранившийся поныне образ Богоматери Оранты.

Здесь стоит напомнить, что к началу XII в. иконография «Чуда о змие» успела распространиться на Востоке, но в этот период она еще не была известна на Западе⁷. Проникновение этого образа в искусство и литературу латинского мира относится как раз к эпохе крестовых походов. И хотя связь латинской рецепции образа «Чуда Св. Георгия о змие» с крестовыми походами постоянно подчеркивается в литературе, современные авторы чаще всего обращаются исключительно к паломническим рассказам и литературным описаниям чудесных явлений Св. Георгия во время битв с сарацинами. Тот факт, что образ «Чуда Св. Георгия о змие» уже в первой четверти XII в. был избран для чеканки на монетах одним из двух величайших государей крестоносцев фактически не удостоивается упоминаний. Между тем, появление образа Св. Георгия, побеждающего змия, с легендой «ΡΟΤΖΕΡ ΠΡΙΓΚΙΠΟΣ Α» («князь Рожер I») на антиохийских фоллисах

7 Древнейшая известная фреска сохранилась в церкви Св. Варвары, в Каппадокии (начало XI в.). Древнейшее сохранившееся литературное изложение «Чуда...» – грузинский манускрипт XI в. из библиотеки Иерусалимского Патриархата. Walter C. *Origins of the Cult of Saint George* // *Revue des études byzantines*. – 1995. – No. 53. – P. 321.

отнюдь не следует считать явлением случайным или эпизодическим. Выбор иконографии на фоллисах не мог совершаться без князя, т.е. принятие образа Св. Георгия может с полным основанием считаться выбором самого князя Рожера⁸. Возможно, что образ воина-святого, торжествующего над змием язычества был намеренно введен как раз в после великой победы князя Рожера над сельджукской армией у источников Тель-Данита (1115 г.). Однако почитание образа Святого Великомученика и Победоносца не спасло князя Рожера от трагической гибели, наступившей на седьмом году его правления.

Поздней весной 1119 г. в пределы княжества Антиохийского вновь вторглись тюрки, объединившиеся под командованием эмира Ильгази Артукида. Князь Рожер, очевидно рассчитывая повторить победоносную кампанию 1115 г., выступил против

8 Подробнее об антиохийских фоллисах времен византийского и нормандского правления, см. Bouchier E.S. *A Short History of Antioch, 300 B.C. – A.D. 1268*. – London: Blackwell, 1921. – Pp. 282-285; Metcalf D.M. *Six Unresolved Problems in the Monetary History of Antioch, 969-1268* // *East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality*. – Leuven, 2006. – Pp. 283-318.

тюрок, не дожидаясь подхода армии иерусалимского короля и графа Триполи. 28 июня 1119 г. армия князя Рожера была окружена и уничтожена в битве, которая была окрещена латинскими авторами «битвой на Кровавом Поле» (*Ager Sanguinis*). Сам Рожер пал в рукопашной схватке; по словам канцлера Готье, князю был нанесен удар мечом, пробивший носовую перегородку и пронзивший мозг⁹.

Заключение

Смерть Рожера ознаменовала закат нормандской Антиохии. Территория княжества с тех пор лишь неуклонно уменьшалась и никогда уже не достигла тех размеров и мощи, как при Рожере, когда она охватывала земли от Мараша на севере до предгорий ливанских гор на юге, и от Тарса и равнинной Киликии на западе до предместий Алеппо на востоке. Более того, со смертью последнего нормандского князя – Боэмунда II (1130 г.) княжество Антиохийское перестанет быть в полной мере «нормандским» – из-за гибели многих нормандских баронов в битве на Кровавом Поле и большо-

го количества браков между нормандцами Антиохии и другими франками Заморской земли. Несмотря на то, что княжеству Антиохийскому суждено было просуществовать до конца XIII в. и его земли по-прежнему оставались самобытным центром греко-латинского соприкосновения, расцвет первых десятилетий XII в. навсегда ушел в прошлое. Коснулось это и нумизматики. «Оранту» и «Георгия» вновь заменили фоллисы с изображением Св. Апостола Петра, а после восшествия на княжеский престол аквитанца Раймонда де Пуатье (1136 г.) антиохийская монета претерпела колоссальные изменения; отныне, вместо византийских фоллисов мастера Антиохии стали чеканить денье, сходные французским образцам. Тем не менее, кратковременное правление князя Рожера (1112-1119 гг.) представляет собой уникальный, незаслуженно забытый, ранний период латинской рецепции византийской иконографии эпохи крестовых походов.

Библиография

1. Asbridge T. *The Creation of the Principality of Antioch. 1098-1130.* – Woodbridge: Boydell Press, 2000. – 233 p.

⁹ Walter the Chancellor. *The Antiochene Wars* / ed. & trans. T. Asbridge and S. B. Edgington. – Derbyshire, UK: Ashgate, 1999. – P. 127.

2. Bouchier E.S. A Short History of Antioch, 300 B.C. – A.D. 1268. – London: Blackwell, 1921. – 324 p.
3. Cahen C. La Syrie du Nord a l'époque des Croisades et la principauté franque d'Antioche. – Paris, 1940. – 768 p.
4. Galterii Cancellarii. Bella Antiochena // RHC Occ. Vol. 5. – Paris, 1895. – Pp. 1114-1119.
5. Mathieu D'Edesse, Grégoire le Prêtre. Chronique de Mathieu D'Edesse (962-1136) avec la Continuation de Grégoire le Prêtre. – Paris, 1858. – 546 p.
6. Metcalf D.M. Six Unresolved Problems in the Monetary History of Antioch, 969-1268 // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality. – Leuven, 2006. – Pp. 283-318.
7. Michel le Syrien. Chronique de Michel le Syrien. Patriarche Jacobite D'Antioche. Vol. III. – Paris, 1905. – 748 p.
8. Walter C. Origins of the Cult of Saint George // Revue des études byzantines. – 1995. – No. 53. – Pp. 295-326.
9. Walter the Chancellor. The Antiochene Wars / ed. & trans. T. Asbridge and S. B. Edgington. – Derbyshire, UK: Ashgate, 1999. – 242 p.

UDC 7.03

Byzantine icons of the coins of a Norman ruler of Antioch. Latin reception of Byzantine iconography at the dawn of the crusades

Bryun Sergei Pavlovich

Postgraduate student,
Institute for Cultural Research of the
State Academic University of Humanitarian Sciences,
Museum of Russian Icon,
P.O. Box 109240, Goncharnaya str., No. 3/1, Moscow, Russia;
e-mail: sbrun@mail.ru

Abstract

Italy has historically served as a center of the contact of the Latin West with Byzantium and, of course, with the center of the Western reception of Byzantine art. In various regions of this diverse and fragmented peninsula one can come across numerous monuments of Byzantine art, and more or less close imitation of Byzantine models. However, it should be noted that among the peoples of Italy in the XII century unusually open to the acceptance of Byzantine art were not only the Lombards, Venetians and Romans, but also outlandish North French conquerors – the Normans.

Syria became no less important center of Western (and, in particular, Norman) reception of Byzantine culture, iconography and art, and particularly the ancient capital of the Hellenistic and Byzantine Syria – Antioch.

Antioch became a new center of the contact and the Latins and the Byzantine Empire. This juxtaposition took different forms, ranging from violent military clashes to very intensive communication in the church, city and commercial and economic life. In particular, the Norman Antioch turned into a some kind of an outpost of the Latin reception of the images of Byzantine art.

Keywords

Byzantine art, Crusades, numismatics, the Normans, Antioch, Syria, iconography of the Theotokos, Saint George and the Dragon.

Introduction

It is a well-known fact that Italy was the historic center of cultural interaction between Byzantium and the Latin West. Most importantly, it was at the forefront of Latin reception of Byzantine art. In various regions of Italy one still may find numerous Byzantine monuments, or the work of local Italian artisans, which closely resembles Byzantine examples. Moreover, vast regions of southern Italy – Apulia and Calabria – were, until the early 1070-s, under the direct rule of the Byzantine empire¹. Yet, one cannot help but notice that among the peoples of Italy in the 12th century, the most predisposed to the reception of Byzantine art were neither the Venetians, nor the Lombards, nor the Romans, but the foreign, northern-French conquerors – the Normans. Of course it was not the first generation

of Normans, but rather the second, third and fourth generations of Italo-Normans, born and raised on former Byzantine and Arab lands of Southern Italy, that proved to be most receptive to Byzantine art. The elaborate mosaics of Capella Palatina, Cefalu and Monreale, commissioned by the Norman kings of Sicily, serve as perhaps the best example of the Normans' infatuation with the art and splendor of the Byzantine Empire. Yet Italy was not the only center of Latin (and especially – Norman) reception of Byzantine culture, art and iconography; an equally valuable center of Norman interaction with Byzantium soon appeared in Antioch, the historic capital of Hellenistic, Roman and Byzantine Syria.

During the course of the First Crusade the Normans, under the command of Bohemond of Taranto, continued their expansion to the East. Leaving Byzantine Italy they settled in Byzantine Syria, where they established one of the first two Crusader states in history – the Principality of Antioch. The interaction of the Byzantines and the Normans of Antioch varied greatly and assumed many

1 Sicily was lost to the Arabs following an almost century-long conquest in the 9th-10th centuries. During the course of the 11th century, the Normans conquered all of the Byzantine territories in continental Italy. Bari, the last Byzantine outpost in Italy fell to Robert Guiscard's Norman forces in April of 1071.

forms – from fierce military clashes to a very complex dialogue and long periods of coexistence in the spheres of ecclesiastical, urban and economic life. Antioch became the new outpost of Latin reception of Byzantine art. Unfortunately, we cannot properly compare the Byzantine monuments and artwork of Norman Italy and Norman Antioch, since Antioch was razed to the ground by the Mamelukes in 1268. So, when discussing the work of Byzantine artists, architects and artisans commissioned by the Normans of Italy, we can appeal to surviving palaces and churches of Sicily. In the case of Norman Antioch, we lack any comparable monuments, which forces us to look at more subtle evidence – documentary, archaeological and, of course, numismatic. The coinage of Crusader Antioch, especially the coins minted during the reign of the first Norman princes, serve as a remarkable testimony of the Normans' love for Byzantine art and iconography. In this particular case, we would like to examine the coinage of Prince Roger, the third Norman ruler of Antioch.

Roger – Norman prince of Antioch

Roger belonged to the third generation of Normans, born in the Medi-

terranean. His father, Richard del Principato (also known as Richard of Salerno) took part in the First Crusade alongside his cousins – Bohemond and Tancred, who later became the first Norman princes of Antioch. It seems that Roger followed his father and moved from Italy to the East in the first years of the 12th century. In December 1112 Roger succeeded his uncle Tancred as Prince of Antioch². Roger's seven-year reign (1112-1119) was an incredibly intensive period in the history of Antioch³. In autumn of 1114 Syria was devastated by a powerful earthquake, and it was Roger who had to deal with the restoration of the Christian strongholds and fortress-

2 It must be stated that both Tancred and Roger were supposed to hand over the rule of Antioch to Bohemond II, the son and heir of the Principality's founder, in case of his arrival to the East. Nevertheless, it is more befitting to talk of Tancred and Roger as "princes" in their own right, rather than mere regents, since both of them used the title "prince" (*princeps*), and avoided the titles of "regents" or "bailiffs" (*bailli*).

3 The only surviving medieval narrative text, entirely dedicated to Crusader Antioch – "The Antiochene Wars" was written by Roger's chancellor, Walter, and deals with the third (1115) and final (1119) years of the Prince's reign. See: Galterii Cancellarii (1895), "Bella Antiochena", *RHC Occ. Vol. 5*, Paris, pp. 1114-1119; Asbridge, T., Edgington, S.B. (1999), *Walter the Chancellor. The Antiochene Wars*, Ashgate, Derbyshire, UK, 242 p.

es in Syria, such as Marash, Artah and Antioch itself. In the following year, Frankish Syria witnessed a Seljuk invasion, such as had not been seen since the Crusader siege of Antioch in 1098. Yet the overwhelming Turkish forces were decisively defeated and scattered by Prince Roger's army in the Battle of Tell Danith, on September 14th 1115. During the following years Roger succeeded in expanding the frontier of the Principality to the East, practically surrounding Aleppo, Islam's chief fortress-city in northern Syria. It was in Roger's and his predecessor Tancred's reign that the emirs of Aleppo were forced to pay tribute to the Princes of Antioch. In 1113, and again in 1118 Roger led the forces of Antioch on southward marches to Palestine, in order to aid the kings of Jerusalem, the senior Frankish monarchs in Outremer. Roger also was known as the patron of the Hospitaller order of St. John, providing the Hospitallers with grants of lands and revenues in the Principality of Antioch. It must also be stated that Prince Roger also showed an open-minded attitude in matters, pertaining to the dialogue and interaction with the native population of the Middle East – both Muslim and Eastern Christian. Following his uncle Tancred's example, Roger did not hesitate to enter into negotiations and even alli-

ances with his Muslim neighbors, when it suited Norman interests⁴. Roger was also known for safeguarding the Syrian Orthodox (Jacobite) Church from the infringement of the Latin Patriarch of Antioch (a fact, that was later and with full gratitude noted by Michael the Syrian⁵). And, finally, the most notable surviving examples of the Antiochian Normans' reception of Byzantine iconography are also connected with Roger's reign and can be found on coins, minted by this particular Prince.

The Norman princes of Antioch continued to use the old Byzantine mint, employing the services of local Greek artisans. During Bohemond's and Tancred's reign the Antiochian mint issued follis coins, bearing the images of Christ Pantokrator and the Apostle Peter, with Greek legends and either the names of the Princes or the inscription "IC XC NIKA" between the bars of the cross on the re-

4 In 1115 Roger made a military alliance with Toghtekin, the emir of Damascus, aimed against the invading Seljuk forces of emir Bursuq. In 1118 Roger granted the Muslim population of Azaz safe passage to Turkish territory, once the city surrendered to him. See: Mathieu D'Edesse, Grégoire le Prêtre (1858), *Chronique de Mathieu D'Edesse (962-1136) avec la Continuation de Grégoire le Prêtre*, Paris, p. 298.

5 Michel le Syrien (1905), *Chronique de Michel le Syrien. Patriarche Jacobite D'Antioche. Vol. III*, Paris, p. 210.

verse. Tancred also introduced his own image on the coinage of Antioch; such follises depict a Byzantine-style half-figure portrait of the Norman Prince, bearing a sword and an Arabic turban. Despite being one of the most remarkable 'eclectic' monuments of the Latin East, Tancred's follises are unmistakable Byzantine in style, and closely resemble 11th and 12th century half-figure portraits of Byzantine emperors. But during Roger's reign, the traditional images of Christ Pantokrator, the Apostle Peter and Tancred gave way to two new variations of follis coins, which bore Byzantine iconographic images, previously unknown to either Byzantine, or Norman coinage of Antioch.

It was in Roger's reign that the image of *Panagia Orans* made its first appearance on Antiochian coinage. In this case, it was the classical, full-height depiction of the Orans, "The Unbreakable Wall". The 'Orans' iconography of the Mother of God was well-known all over the contemporary Christian world – from Italy to the lands of Kievan Rus⁶.

6 It is a curious coincidence, that in the same year that Roger became Prince of Antioch (1112), the cathedral of Ravenna (Basilica Ursiana) in northern Italy was decorated with new mosaics, among which was the 'Orans'. This serves as a good example of the popularity of this Byzantine image of

Yet we must differentiate between the presence of the 'Orans' on mosaics, frescoes and painted icons, and the presence of this iconography on seals and coins, the signs of power of Christian (and specifically – Western Christian) secular and ecclesiastical authorities. Indeed, the 'Orans' is present on numerous Italian mosaics and frescoes, yet it never appeared on the coinage or seals in Latin Christendom. In Byzantium, on the contrary, both the 'Orans' and its variation – the 'Platytera' icons of the Theotokos were often present on coins, seals and bulls. And it was from Byzantium, that this imagery was accepted by the rulers of the Latin East. For example, one can see the 'Platytera' Theotokos on the surviving bull of Queen Morphia of Jerusalem, the consort of King Baldwin II de Bourq. Although this may be an example of the images 'Byzantine', rather than Latin usage, since Morphia was a Chalcedonian (Greek Orthodox) Armenian, and a daughter of the Byzantine ruler of Melitene. In the 13th century coins bearing the 'Orans' were minted by the Latin Emperors of Constantinople. In any case, the appearance of the 'Orans' Theotokos on the Prince Roger of Antioch's coins is probably *the* earliest and unique example

the Holy Virgin among Latin Christians in the early 12th century.

of the icon's presence on the coinage of Latin rulers.

Another unique example of Byzantine iconography, accepted by Roger and minted on his coins was the image of 'St. George and the Dragon'. We should point that by the early 12th century the iconographic imagery of 'St. George and the Dragon' was widespread among the Christians of the East (both Chalcedonian and Non-Chalcedonian), it was literally unknown in the Latin West⁷. The transmission of this imagery and legend to the West is undoubtedly connected with the Crusades. Even though this connection is inevitably mentioned by scholars, many modern researchers tend to focus on the stories of miraculous appearances of Saint George during the battles of the Saracens, as told by various crusaders and pilgrims, and preserved by the Latin chroniclers. Yet, for reasons unknown, the simple fact that as

early in 1112-1119 the image of 'Saint George and the Dragon' was minted on the coins of the Prince of Antioch (one of the two greatest Crusader rulers in the East), is absent from the vast majority of published works, dealing with the history of the legends and iconography of St. George. The appearance of the image of Saint George slaying the Dragon, with the Greek legend 'ΡΟΤΖΕΡ ΡΗΡΗΓΚΗΡΟΣ' ('Prince Roger I') on the coins of Antioch can in no way be seen as an accidental or secondary-rate event. On the contrary: this Eastern iconographic image could not have been chosen without the consent of Prince Roger himself, since the coins were among the most important insignias of power in the Medieval world, no less than seals, banners and heraldic signs⁸. It is quite possible that the image of a Warrior-saint triumphing over the heathen Dragon was introduced after Prince Roger's great victory over the Seljuk Turks in the Battle of Tell Danith (1115).

7 The eldest surviving image of 'St. George and the Dragon' (made in the first decade of the 11th century) can be found on a fresco in the Byzantine Church of St. Barbara in Cappadocia. The first literary version of 'The Miracle of Saint George and the Dragon' is a Georgian 11th century text (the eldest surviving manuscript is kept in the Library of the Greek Orthodox Patriarchate in Jerusalem). See: Walter, C. (1995), "Origins of the Cult of Saint George", *Revue des études byzantines*, No. 53, p. 321.

8 For more details on the coinage of Norman Antioch, see: Bouchier, E.S. (1921), *A Short History of Antioch, 300 B.C. – A.D. 1268*, Blackwell, London, pp. 282-285; Metcalf, D.M. (2006), "Six Unresolved Problems in the Monetary History of Antioch, 969-1268", *East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality*, Leuven, pp. 283-318.

Unfortunately, the veneration of this Great-Martyr and Victory-Bearer Saint did not save Prince Roger from the tragic death at the seventh year of his reign. In late spring of 1119 the Turks, now under the command of Ilghazi the Artukid, invaded the Principality once more. Having gathered his forces and, most likely, preparing to reenact his victory of 1115, Prince Roger marched out to meet the invaders, without waiting for the reinforcements, coming up from the south under the command of the King of Jerusalem and the Count of Tripoli. On June 28th Roger's army was surrounded and annihilated during the course of the 'Battle on the Field of Blood' (Ager Sanguinis) as it was Christened by contemporary Latin authors. Roger was slain in battle; according to his chancellor, Walter, he received a blow to the face, the sword passing through his nose and into the brain⁹.

Conclusion

Roger's death marked the end of the 'golden age' of Norman Antioch. The Principality will never reach the power and territorial extent it had known in

Tancred's and Roger's reign, when its borders stretched from Marash in the north to the northern outskirts of Lebanon in the south, and from Tarsus and the Cilician plane in the west to the outposts of Aleppo in the east. Moreover, after the death of the last Norman Prince – Bohemond II (1130), the Principality of Antioch will cease to be 'Norman'. The death of many Norman barons and knights on the 'Field of Blood', widespread marriages of Antiochian Norman nobility with other 'Franks', and the arrival of many knights from Aquitaine and Poitiers (following the ascent of Prince Raymond in 1136) blended the formerly Norman Principality with the rest of Latin Outremer. And even though the Principality of Antioch survived until the end of the 13th century and continued to be a vital center of Greek-Latin interaction, there would be no return to the political and cultural blossoming of the first decades of its existence.

All of these changes found their reflection in the numismatic history of Antioch. The images of the 'Theotokos Orans' and 'St. George' were, following Roger's death, replaced with the traditional image of Peter the Apostle, and after the rise to power of Prince Raymond de Poitiers (in 1136) Antiochian coinage would change once and for all; from that

9 Asbridge, T., Edgington, S.B. (1999), *Walter the Chancellor. The Antiochene Wars*, Ashgate, Derbyshire, UK, p. 127.

period onwards, Byzantine follises were replaced by Western-style silver deniers. Thus, the brief reign of Prince Roger of Antioch may justly be considered a vi-

tal, unique and literally forgotten period of early Latin reception of Byzantine iconography during the time of the Crusades.

References

1. Asbridge, T. (2000), *The Creation of the Principality of Antioch. 1098-1130*, Boydell Press, Woodbridge, 233 p.
2. Asbridge, T., Edgington, S.B. (1999), *Walter the Chancellor. The Antiochene Wars*, Ashgate, Derbyshire, UK, 242 p.
3. Bouchier, E.S. (1921), *A Short History of Antioch, 300 B.C. – A.D. 1268*, Blackwell, London, 324 p.
4. Cahen, C. (1940), *La Syrie du Nord a l'epoque des Croisades et la principaute franque d'Antioche*, Paris, 768 p.
5. Galterii Cancellarii (1895), "Bella Antiochena", *RHC Occ. Vol. 5*, Paris, pp. 1114-1119.
6. Mathieu D'Edesse, Grégoire le Prêtre (1858), *Chronique de Mathieu D'Edesse (962-1136) avec la Continuation de Grégoire le Prêtre*, Paris, 546 p.
7. Metcalf, D.M. (2006), "Six Unresolved Problems in the Monetary History of Antioch, 969-1268", *East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality*, Leuven, pp. 283-318.
8. Michel le Syrien (1905), *Chronique de Michel le Syrien. Patriarche Jacobite D'Antioche. Vol. III*, Paris, 748 p.
9. Walter, C. (1995), "Origins of the Cult of Saint George", *Revue des études byzantines*, No. 53, pp. 295-326.